ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ,

которая повествует о том, как семь красоток, обитавших в Паутиновой пещере, пытались соблазнить Танского монаха и как беззастенчиво вел себя Чжу Ба-цзе в водах источника Омовения от грязи

Итак, Танский монах Сюань-цзан простился с царем Пурпурного царства и, приведя в порядок коня и седло, продолжал путь на Запад со своими учениками. Наши путники прошли много гор и долин, переправились через бесчисленное количество рек, а тем временем незаметно прошла осень, кончилась зима и снова наступили светлые и ясные дни весны.

Наставник и его ученики проходили по живописным местам, покрытым сочной зеленью, любовались красотами природы и как-то раз увидели монашеский скит. Наставник Сюань-цзан живо слез с коня и встал у обочины дороги, разглядывая строения.

— Наставник! Чего это ты вдруг остановился? — спросил Сунь У-кун. — Дорога здесь совершенно гладкая и ровная, и никакие духи и оборотни в этом месте не водятся.

Тут вмешался Чжу Ба-цзе:

— До чего же ты, бездушный, — укоризненно сказал он, обращаясь к Сунь У-куну. — Разве не видишь, что наставник устал от долгой езды? Дай ему поразмяться и хоть немного по-любоваться видами...

— А я вовсе не любуюсь видами,— подхватил Танский монах. — Глядите! Там виднеется человеческое жилье. Схожу-ка я туда и попрошу подаяния. Есть хочется.

— Слышите, что говорит наставник?! — засмеялся Сунь У-кун. —Допустимо ли это? Если ты хочешь поесть, то дозволь мне сходить за подаянием. Недаром в пословице говорится: «Кто хоть день был твоим наставником, чти его до конца жизни своей, как отца родного». Где это видано, чтобы ученики сидели как господа и посылали бы своего наставника добывать им пищу подаянием?!

— Не в этом дело! — возразил Танский монах. — Обычно вокруг все бывало пустынно, и вам приходилось ходить за подаянием, как бы далеко это ни было. А до этого жилья рукой подать, можно даже переговариваться. Так позвольте же мне хоть раз сходить самому.

— Нет, наставник, ты не убедил меня, — твердо сказал Чжу Ба-цзе — Я знаю такую поговорку: «Когда трое странствуют, младшему из них больше всего достается». Ты — наш наставник-отец, а мы твои ученики. В древних книгах есть такое изречение: «Какое бы дело не предстояло выполнить, за него всегда принимаются ученики». Ты обожди здесь, а я схожу.

— Да что же это, братья! — взмолился Танский монах. — Сегодня такой погожий день, ласково светит ясное солнышко, совсем не то, что бывает в непогоду. Вот случится ненастье —

обязательно пошлю вас искать подаяние, да еще куда-нибудь как можно дальше, а сегодня уж я сам схожу к добрым людям. И как только вернусь — все равно с подаянием или нет, — мы сразу же отправимся дальше.

Ша-сэн, молча стоявший в стороне, вдруг громко рассмеялся.

— Братья! — сквозь смех сказал он. — Незачем так много толковать об этом! Раз наставник хочет, нам не следует перечить ему, а то он рассердится и не станет есть пищу, которую мы добудем.

Чжу Ба-цзе смирился, поспешно достал плошку для подаяний, головной убор, одеяние и все это передал наставнику. Танский монах быстрыми шагами направился прямо к жилью, которое вблизи оказалось еще красивее. Вот, что он увидел:

Мосты из камня выгнулись дугою,

Деревья старые растут густою чащей.

Мосты из камня выгнулись дугою,

Журча и лепеча, струятся воды

Потоков горных и ручьев прозрачных.

Деревья старые растут густою чащей,

Щебечут птицы на вершинах темных,

А за мостом нашли приют укромный

Опрятные и светлые жилища —

Благой приют, отшельников достойный.

И лишь одна из хижин, пусть немножко,

Всеобщий вид приятный нарушает:

Ее разбитые оконницы зияют.

Монах почтенный, заглянув в окошко,

Увиденным был изумлен немало

Четыре девы красоты небесной

Сидели и прилежно вышивали.

Под их перстами цвел узор прелестный

Из фениксов и птиц Луань чудесных.

Нигде не было ни одного мужчины, а в окнах виднелись четыре девушки. Танский монах смутился и, не смея войти, остановился как вкопанный. Затем он быстро шмыгнул в чащу деревьев и стал рассматривать девиц.

Все четверо на вид жестокосердны

И несравненно хороши собою.

Поднявши бровки тонкие дугою,

Рад вышиваньем трудятся усердно.

Полны очарованья их движенья,

И губки, глянцевитые, как вишни,

И личик своенравных выраженье,

А волосы, причесанные пышно,

На лоб спускаются красивой челкой.

Сияют девы прелестью весенней

И свежестью такой, что даже пчелки

При виде их могли бы сбиться с толку,

Приняв девиц за лилии в цветенье.

Танский монах простоял добрых полчаса и убедился, что кругом все тихо и безмолвно, не слышно даже ни петухов, ни собак. Размышляя, Танский монах решил: «Если я не выпрошу подаяния, мои ученики засмеют меня: скажут, взялся быть нашим наставником, а не сумел выпросить подаяния; как же мы с таким учителем предстанем перед Буддой?».

Не зная, что придумать, Танский монах все же позволил себе некоторую вольность: направился к мосту и, пройдя несколько шагов, увидел среди домов, крытых соломой, разукрашенную деревянную беседку, возле которой играли в мячик три девицы. Они совсем не были похожи на тех четырех.

Широкие взлетают рукава,

Колышутся расшитые подолы…

Широкие взлетают рукава,

Когда же плавно ниспадают долу,

То пальцы нежных рук виднеются едва

Из-под их складок, пышных и тяжелых.

Колышутся расшитые подолы,

Являя ножки малые. Они

Красой своею лотосу сродни,

И движутся или стоят на месте,

Их вид пленительный воистину чудесен.

С каким искусством мячик принимают,

С какою резвостью его обратно посылают,

Об этом трудно даже рассказать!

Взгляните вот одна из милых дев,

Своею ножкой мяч легко поддев,

Его толкает так, что он, как будто птица,

Взмывает вверх и к небесам стремится,

К земле, однако, возвращается опять!

Другая же прелестная девица,

Не побоясь нисколько оступиться,

Мячу проворно преграждает путь

Прыжком таким, что им бы было впору

Перескочить с налета через гору

Иль через океан перемахнуть.

А третья мячик принимает ловко,

Когда летит он, словно грязи ком,

И шлет его вперед уверенным броском,

Выказывая дивную сноровку.

Друг другу эти девушки под стать

Умеют мяч послать, умеют и принять,

Когда летит он вниз, с жемчужиною схожий,

Спускающейся Будде на чело, —

Один удар носочком туфельки — и что же?

Его опять, как ветром, унесло!

Когда ж мяча стремительный полет

Над самым уровнем земли проходит,

Движенье нужное красавица находит,

Наклон свободный телу придает,

Как рыбка резвая, нырнувшая под лед,

И мяч далеко в сторону отводит.

То приседает, не сгибая поясницы,

То пяткой мяч отбросит, озорница,

То прыгает, как юная тигрица, —

Ну, как такой игре не подивиться,

Как от восторга тут не закричать?

Ведь эти девы, если пожелают,

Поток с горы летящий обуздают,

Речные воды течь заставят вспять.

Звенят на нежных шейках ожерелья,

Запястья раззолоченные в лад

Стремительным движениям звенят.

Мяч кубарем летит от цели к цели,

И думаешь невольно: неужели

Игра искусная уж так трудна,

Ужель усилий требует она,

И мяч отбить сложнее, чем на рынке

Наполнить свежей рыбою корзинку?

Пока одна из дев, как будто ненароком,

В сторонку быстрый мяч коварно шлет,

Его вторая принимает сбоку

И третьей не спеша передает,

А та ударом туфельки плетеной

Полет его стремит в край поля отдаленный,

Где скрыться должен он в траве густой, зеленой.

Ее противница, однако, начеку,

Она легка, подобно ветерку,

Что светлые ее одежды развевает.

Она на шаг, не боле, отступает,

И мяч, гудя, как злобная оса,

Взмывает снова прямо в небеса.

Так, весело борясь за пестрый мяч,

Красавицы не первый час проводят,

Но, утомившись, с поля не уходят,

Попавшись в сеть удач и неудач.

И градом пот с округлых лиц струится,

Смывая с них прозрачный слой белил,

И, как пионы, пламенеют лица.

И бой вести уж не хватает сил.

Всего не перескажешь, лучше завершим описание этой игры следующими стихами:

В мяч играли подкидной девы в дни луны весенней.

Благодатный ветер дул, девы — просто загляденье!

Лица, влажные от пота, что цветы в росе, — красивы,

Пыль на бровках их осела, как туман на ветках ивы.

Рукава одежды пышной пальцы тонкие скрывают,

Но расшитые подолы ножки дивные являют

Растрепался на ветру черных кос убор затейный…

Утомленные игрой, девы — просто загляденье!

Танский монах долго смотрел на играющих девушек, но в конце концов ему все же пришлось пройти по мосту и крикнуть:

— О милостивые девы! Я, бедный монах, оказался здесь по воле судьбы и прошу подать мне хоть сколько-нибудь еды на пропитание.

Девицы, услышав его просьбу, очень обрадовались. Те, что вышивали, побросали иголки и нитки; те, что играли в мяч, оставили его и веселой гурьбой, смеясь и забавляясь, побежали навстречу.

— Почтенный наставник! Прости, что не заметили тебя и не встретили как подобает! — наперебой щебетали они. — Заходи к нам! Мы не отпустим тебя, пока не накормим.

«Замечательно! Замечательно! — обрадовался в душе Танский монах. — Вот уж поистине здесь на Западе чувствуется, что попал во владения Будды. Даже трудно себе представить, до чего должны быть набожны здешние юноши и мужчины, если такие молоденькие девушки столь радушно принимают монахов?».

Наш почтенный наставник выступил вперед, поздоровался и последовал за девами. Пройдя через деревянную беседку, он осмотрелся и пришел в изумление. Оказывается, кругом никаких жилых строений не было и в помине, а виднелись одни только

Высокие горные кряжи,

Узловатые жилы отрогов...

Высокие горные кряжи

Вершинами туч достигали,

Узловатые жилы отрогов

До самого моря тянулись,

Уходили в туманные дали.

К мосту направляясь, дорога

Песчаной змеей изогнулась,

Любуется каменный мостик

Игрой прихотливой потока,

Его синевою глубокой

Деревья огромного роста

Красуются пышным цветеньем,

Цветы состязаются в красках,

А гости пернатые — в пенье.

Лиан кружевное плетенье,

Стеблей их крученые связки

Стволы обвивают красиво

И льнут к ним и стелятся льстиво…

Свой запах струят благовонный

Причудливые орхидеи,

В нарядах пятнистых, червонных,

Меж темными листьями рдея.

Прекрасная эта обитель

Пэндао красой превосходит

В ней истинной веры ревнитель

Приют себе верный находит.

С горой Тайхуаскою схожа

Гора эта высью и видом,

Здесь оборотня не потревожат

Ни схватки с врагами, ни битвы.

Поститесь, творите молитвы,

Дела свои тихо вершите,

Лихой вас сосед не увидит,

Никто вас ничем не обидит,

Живите себе как хотите!

Одна из девиц прошла вперед, распахнула настежь обе створки каменных ворот и предложила Танскому монаху войти внутрь. Сюань-цзану ничего не оставалось, как принять предложение и войти. С любопытством стал он разглядывать помещение. Все столы и скамьи были сделаны из камня. Отовсюду веяло холодом, словно в подземелье. На душе у Танского монаха вдруг стало тревожно. «Здесь все предвещает скорее несчастье, чем счастье», — подумал он про себя. Девицы тем временем продолжали весело щебетать и смеяться.

— Сядь, посиди с нами, почтенный наставник! — ласково предлагали они.

Танскому монаху было неловко отказаться, и он сел, но вскоре вздрогнул от неожиданности.

— Уважаемый наставник! Ты на какой горе обитаешь? и на что собираешь подаяние? На починку дорог и мостов или на постройку храмов и пагод? А может, на отливку изваяний Будды и печатание священных книг? Покажи нам, где у тебя ведется запись подаяний?

Девицы наперебой задавали Танскому монаху вопросы.

— Я вовсе не собираю подаяний на что-нибудь, — отвечал Танский монах.

— Так зачем же ты пришел сюда, если не за подаянием? — спросила самая бойкая девица.

— Я иду из восточных земель великого Танского государства, — с достоинством произнес Сюань-цзан, — на Запад в храм Раскатов грома за священными книгами. Путь мой как раз проходил через ваши места; я сильно проголодался, а потому и решил попросить у вас пищу и сейчас же отправлюсь дальше своей дорогой.

Девицы еще больше обрадовались.

— Вот хорошо! — кричали они в восторге. — Недаром говорится в пословице: «Монах из дальних стран лучше разбирается в священных книгах». Сестрички! Такого случая нам упускать нельзя! Давайте скорей готовить пищу.

Три девицы остались с Танским монахом и развлекали его разными разговорами и беседами о ниданах, а остальные четыре отправились на кухню, где, засучив рукава и подоткнув подолы, рьяно принялись за стряпню. Вы хотите знать, читатель, что они готовили? Оказывается, у них был заранее вытоплен человеческий жир, тушилось и жарилось человеческое мясо, причем пережаренные дочерна волокна были подделаны в виде жженой вермишели, а жареные мозги приготовлены как бобовый творог. Еду принесли на двух подносах и расставили на каменном столике.

— Почтенный наставник! Просим к столу, — пригласили девицы. — Впопыхах мы не сумели приготовить изысканных яств. Поешь пока этой простой пищи, чтобы утолить голод. А тем временем тебе приготовят еще!

Танский монах понюхал пищу и сразу почувствовал запах мяса. Он не осмелился взять в рот ни кусочка и, встав из-за стола, молитвенно сложил руки ладонями вместе.

— О добрые девы! — произнес он. — Вы простите меня, бедного монаха, но я всю жизнь питаюсь только постной пищей.

— Да ведь это же постная пища, — засмеялись девицы.

— Амитофо! — воскликнул Танский монах. — Стоит мне, монаху, съесть кусочек этой пищи, которую вы считаете постной, как сразу же придется отказаться даже от мысли отправиться на поклон к великому Будде за священными книгами.

— Почтенный монах! — оборвала его одна девица. — Если ты собираешь подаяние, то нечего привередничать: ешь что дают.

— Да что ты? Разве посмею я привередничать? — почтительно перебил ее Танский монах. — Я получил повеление Танского императора отправиться на Запад; за всю дорогу я не причинил ущерба ни одному живому существу, а того, кто попал в беду, старался спасти. Я с благоговением держал крохи пищи на ладони и клал их в рот с умилением. Из рваных лоскутов я сшил свои одежды, чтобы прикрыть бренное тело. Как же ты можешь упрекать меня в том, что я привередник?

— Может быть, ты и не привередник, — засмеялись остальные девы, — но ведешь себя заносчиво: не успел войти в дом, как, уже начинаешь выражать недовольство. Не будь же столь взыскательным, не побрезгуй нашей пищей и ешь на здоровье!

— Я, право, не могу этого есть! — с отчаянием в голосе проговорил Танский монах. — Нельзя же нарушать своего обета. Прошу вас, милостивые девы, ни к чему насильно потчевать меня, лучше выпустите меня на свободу. Я пойду дальше своей дорогой!

С этими словами Танский монах собрался было направиться к выходу, но девицы обступили двери и никак не соглашались выпустить его.

— В гостях воля не своя. Пришел в дом торговать, нечего цены заламывать! — кричали девицы.

— Куда собрался? — спросила самая бойкая из них.

Оказалось, что все семь девиц отлично знали приемы фехтования и борьбы, руки и ноги у них были хорошо развиты, они схватили Танского монаха и оттащили от входа, а потом повалили наземь, крепко прижали, связали веревками по рукам и ногам, после чего подвесили к потолку, причем подвесили поособому. Этот прием подвешивания называется: «Праведный отшельник указывает дорогу». Одна рука вытянута вперед и ее обвязывают отдельной веревкой. Другую скручивают за спину и привязывают к туловищу, а ноги связывают вместе. Свободными тремя концами веревки наставника подвесили к балке так, что он оказался подвешенным спиной к потолку, а животом вниз.

Танский монах терпел ужасные муки и глотал слезы, думая про себя: «Какая же горькая участь выпала на мою долю! Я шел сюда с добрым намерением, думал — здесь живут хорошие люди, и хотел попросить подаяние, а вместо этого попал словно в огненную яму! Братья мои! Скорей идите сюда! Выручайте меня из беды, пока не поздно, больше двух часов я никак не

вытерплю такой пытки, и тогда мне конец!».

Как ни страдал и ни терзался Танский монах, все же он внимательно следил за девицами. А девицы закрепили концы веревки, убедились в том, что монах крепко привязан, и стали раздеваться. Монах еще больше встревожился: «Очевидно, они снимают одежду, чтобы испытать меня», — в ужасе подумал он.

Однако девицы оголились только до нижней части живота и стали являть свое волшебство: у каждой из живота вдруг показался толстый шелковый шнур — вы не поверите, — толщиной в утиное яйцо. Послышался шум и грохот, все засверкало и заблестело, словно посыпалась яшма или серебро, и вскоре вся дверь оказалась затянутой этими шнурами. Но об этом мы рассказывать не будем.

Вернемся к Сунь У-куну, Чжу Ба-цзе и Ша-сэну. Они ждали наставника у обочины дороги, причем Чжу Ба-цзе и Ша-сэн пасли коня и сторожили поклажу, а Сунь У-кун, непоседливый от природы, лазил по деревьям, срывал листья и искал плоды. Случайно он оглянулся и вдруг увидел яркое сияние. В страхе и смятении он поспешно слез с дерева и стал кричать своим собратьям:

— Беда! Беда! С нашим наставником что-то случилось. Ему грозит опасность! Глядите, — продолжал он, указывая рукой на лучи яркого сияния,— что происходит в скиту?

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн начали всматриваться и увидели что-то очень белое, похожее на снег, но белее снега, что-то сверкающее, похожее на серебро, но блестевшее ярче серебра.

— Хватит смотреть и зря тратить время! — заключил Чжу Ба-цзе. — Наш наставник попался в лапы злым оборотням. Надо скорей идти выручать его!

— Просвещенный брат мой, не кричи так! — остановил его Сунь У-кун. — Вы все равно ничего не сможете сделать. Обождите, я живо слетаю туда и узнаю, что случилось.

— Брат! Будь осторожен, — предупредил его Ша-сэн.

— Я сам знаю, как вести себя, — ответил ему Сунь У-кун.

Ну и молодец наш мудрый Сунь У-кун! Подпоясав покрепче свою одежду из тигровой шкуры, он взял в руки посох с золотыми обручами и направился широкими шагами к скиту. Там он увидел, что все вокруг в сотни и тысячи слоев затянуто шелковыми шнурами, которые переплетались, словно основа и уток в ткани. Сунь У-кун пощупал их, они были влажные и липкие. Сунь У-кун никак не мог представить себе, что это такое. Он поднял свой посох и произнес:

— Сейчас так хвачу, что будь здесь хоть десять тысяч слоев, все равно перерублю!

Он собрался было нанести сокрушительный удар, но удержался и добавил:

— Если бы передо мной было что-то твердое, я, конечно, разбил бы его вдребезги. А ведь это какая-то мягкая масса. Своим ударом я лишь сплющу ее, и все. Если же я растревожу самого оборотня, он опутает и меня своим шнуром, и ничего хорошего из этого не получится. Нет! Надо сперва толком все разузнать, чтобы бить наверняка!

И к кому бы, вы думали, Сунь У-кун обратился с расспросами? Вот послушайте!

Он прищелкнул пальцами, прочел заклинание и вызвал духа местности, который обитал в храме и от заклинания стал кружиться словно жернов крупорушки. Жена удивилась:

— Ты что, старик? Чего кружишься на одном месте? Очумел, что ли? Можно подумать, что у тебя припадок падучей.

— Ничего ты не знаешь! — сердито ответил ей дух местности. — Ничего! Есть такой Мудрец, равный небу... Он пожаловал сюда, а я не вышел встречать его, как положено. Вот он и вызывает меня к себе...

— Так иди скорей, представься ему, — посоветовала жена, — и дело с концом! Чего же зря здесь кружиться?

— Да знаешь ты, какой у него посох тяжелый? — плаксиво ответил старик. — Если выйдешь к нему, он начнет тебя дубасить, ни на что не посмотрит.

— Что ты? — усомнилась жена. — Он ведь увидит, какой ты старенький! Неужто у него рука поднимется на тебя?

— Он всю жизнь любит попить винца за чужой счет, — отвечал дух местности, — особенно за счет стариков.

Они еще немного потолковали, но ничего не придумали, и пришлось выйти на зов. Дрожа от страха, дух местности опустился на колени у обочины дороги и крикнул:

— Великий Мудрец! Дух местности явился к тебе и нижайше бьет челом!

— Нечего валяться в пыли! Вставай! — строго приказал Сунь У-кун. — Не беспокойся, я бить тебя не буду. Скажи мне только, как называется это место?

— Откуда ты прибыл сюда, Великий Мудрец? — обрадованно заговорил дух местности.

— Я прибыл из восточных земель и направляюсь на Запад.

— Если ты прибыл с востока, — молвил дух местности, — то, должно быть, остановился вон на той горе.

— Совершенно верно, — подтвердил Сунь У-кун, — наша поклажа и конь находятся там. Видишь?

— Вижу,— ответил дух,— эта гора называется Паутиновой. А в ней есть пещера, которая тоже называется Паутиновой. В этой пещере обитают семь оборотней...

— Какого пола? — перебил его Сунь У-кун, — мужского или женского?

— Женского, — отвечал дух местности.

— А какими волшебными силами они обладают?

— Этого мне не дано знать, — скромно ответил дух местности, — так как я слаб и немощен, знаю лишь, что прямо на юг отсюда примерно на расстоянии трех ли есть источник Омовения от грязи. Вода в нем очень теплая. Собственно говоря, этот источник принадлежал семерым бессмертным девам-небожительницам и служил им местом купания, но с тех пор, как здесь поселились эти оборотни, они завладели источником, а девы-небожительницы не стали даже с ними бороться, так даром и уступили. Видимо, у оборотней есть какие-то волшебные чары, настолько сильные, что девы-небожительницы не решились тягаться с ними...

— А для чего им нужно было завладеть источником? — спросил Сунь У-кун.

— Как только они завладели им, — ответил дух местности, — так каждый день три раза стали купаться в нем. Сейчас уже прошла четвертая стража, а в следующую, пятую, стражу они обязательно появятся и начнут шуметь!

— Вот оно что! — произнес Сунь У-кун, внимательно выслушав духа местности. — Ты пока что возвращайся к себе, а я попробую сам с ними справиться.

Дух местности совершил земной поклон, стукнув лбом о землю, и, трясясь всем телом, отправился обратно в свой храм. Великий Мудрец остался один и прибег к волшебству. Он встряхнулся, превратился в мушку и уселся на стебельке придорожной травы, поджидая оборотней. Вскоре послышался шелест: казалось куча шелкопрядов ест листву тутовника или шумит морской прибой. Прошло немного времени, примерно столько, сколько необходимо на то, чтобы выпить полчашки горячего чаю, и все шелковые шнуры, лежавшие бесчисленными слоями, вдруг исчезли без следа, и скит вновь принял свой прежний вид. Потом послышался резкий скрип ворот, и оттуда, разговаривая и смеясь, вышли все семеро девиц. Сунь У-кун стал внимательно вглядываться в них. Они шли в ряд, взявшись за руки и прильнув друг к другу,

прошли мост и скрылись. Поистине восхитительные и очаровательные созданья!

Вот послушайте:

Их с яшмой бы сравнить уместно,

Но яшма не благоухает;

Их вид воистину прелестный

Скорей цветы напоминает.

Дугой изогнутые брови

Мостам над темными прудами

Подобны: губки — ярче крови —

Вход в дивный ротик открывают.

Как звездочки меж облаками,

Заколок драгоценных блестки

Средь шелковых волос сверкают

И украшают дев прически.

Из-под подолов юбок алых

Виднеются, маня нескромно,

Шалуний ножки в туфлях малых,

Подобных розовым бутонам.

Семь девушек не уступают

Ни красотою, ни повадкой

Тем небожительницам юным,

Что сходят на землю украдкой,

Ни той, что в небе обитая,

Порой, свой шар покинув лунный,

К нам в гости по ночам слетает.

— То-то наш наставник вздумал сам пойти за подаянием! — ухмыльнулся Сунь У-кун, провожая красавиц восхищенным взглядом. — Вот какие милые созданья живут здесь. Если эти. семь

прелестниц задержат наставника у себя, то съедят его в один присест, а если захотят использовать, то в два дня от него ничего не останется; стоит им только по очереди начать, он сразу же помрет. Дай-ка послушаю, о чем они говорят и какие строят козни!

Сунь У-кун зажужжал и уселся на прическу девицы, идущей впереди. Не успели они перейти мост, как шедшие сзади подбежали к первой и затараторили:

— Сестрица! Пойдем купаться, а после сварим этого дебелого монаха на пару и съедим его.

Сунь У-кун чуть не рассмеялся.

«Э! да эти оборотни совсем нерасчетливы! — подумал он. — Просто сварить — меньше бы дров пошло. Чего это они вздумали варить его на пару?».

Тем временем девицы свернули на юг и пошли купаться, по дороге срывая цветы и щекоча ими друг друга. Вскоре они прибыли к купальне отгороженной замечательно красивой стеной с небольшими воротами. Воздух был напоен ароматом цветов, образовавших здесь пышный ковер.

Вдруг одна из девиц, замыкавших шествие, бросилась вперед и, подбежав к воротам, быстро распахнула обе створки. Раздался резкий скрип; за воротами показался бассейн с теплой водой. О нем сложены стихи:

Поначалу, когда мир сотворился,

Десять солнц на небе горело.

Тут искусный стрелок И появился;

В девять солнц он рукою умелой

Пустил свои меткие стрелы,

И с тех пор одно только солнце,

С золотым на нем вороненком,

Бесконечно на небе сияло,

Разгоняя земные потемки.

Это солнце собою являло

Силы Ян всеблагое начало,

И огнем ее мир освещало.

Там, где сбитые стрелами солнца

Когда-то на землю упали,

Девять жарких ключей зажурчали,

Животворною влагой забили;

Им названия дали такие.

Благовонно-прохладный Сянлэнцюань,

Дружный с горными недрами Паньшаньцюань,

Никогда не хладеющий Вэньцюань,

С Востоком согласный Дуньхэцюань,

У горы хуаньшаньской Ханьшаньцюань,

Почтительный, мирный Сяоаньцюань,

Многоструйный, просторный Гуанфэньцюань,

Кипящий Танцюань

И девятый, о коем здесь речь поведется, —

Чжохоуцюань, — «Омовеньем от грязи» в народе зовется.

Про последний источник тоже рассказывается в стихах:

Нет здесь зимы, зной летний не палит,

Весна чудесная здесь круглый год царит,

Вода горячая, как будто бы в котле,

Бурлит и пенится, клокочет и кипит.

Там, где она струится по земле,

Поля питая влагою своею,

Земля становится богаче и тучней,

Хлебов стена червонная стоит.

Там, где струи свой замедляют бег,

Глубокий образуют водоем,

Мирская пыль смывается навек,

И растворяются мирские скорби в нем.

Слезинками жемчужными со дна,

Где раковинка каждая видна,

Вздымаются росинки пузырьком

И образуют пенистый покров.

С ним риза не сравнится ни одна,

Будь самоцветами усеяна она!

Хоть и бурлит вода, но не броженьем

Ее благое вызвано кипенье:

Она светла, прозрачна и чиста

И жаждущие утолит уста;

Недаром благовещие знаменья

Несут и процветанье и цветенье

Земле, где жизнь сама — благословенье!

Небесная обитель создана

Самой природой здесь, и столь она дивна,

Что слов для описанья не хватает.

Взгляни на водоем, где девы омывают

Тела свои чудесной красоты,

Где волны серебристые блистают,

Своим прикосновеньем обновляют

И мощь душевную и внешние черты…

Взглянув, для чувств своих найдешь ли слово ты?

Купальный бассейн имел в ширину примерно пять с лишним чжан, в длину более десяти чжан, а глубиною достигал четырех чи, но вода в нем была такая прозрачная и чистая, что все дно было видно как на ладони. Большие пузыри, похожие на шары из яшмы или на крупный жемчуг, бурля, поднимались со дна на поверхность. Вокруг бассейна в шести или семи местах были проделаны отверстия, через которые вода вытекала маленькими ручейками. Она оставалась теплой на расстоянии двух-трех ли от источника и орошала поля. На берегу бассейна стояли три купальных павильона, в каждом из них, ближе к задней стенке, были поставлены длинные скамейки на восьми ножках, а по обеим сторонам от них высились лакированные вешалки для одежды. Сунь У-кун, радуясь и ликуя, стремглав полетел к одной из вешалок и уселся на самом верху.

Чистая, теплая вода источника манила к себе. Девицы разом скинули с себя одежды, повесили их на вешалку, а затем все вместе вошли в воду. Вот что увидел Сунь У-кун:

Все одежды роскошные

Скинуты, сброшены,

Все завязки раздернуты,

Поясочки развернуты…

Входят в воду гурьбою подруги,

Их белые груди упруги,

Блистают точеные руки

Снега яркою белизною,

Блистает их белое тело

Красою непоказною,

Блистают их белые плечи

Поверхностью розово-млечной,

Не тронутой солнечным зноем,

А мягкая, нежная кожа

На бедрах и животе

С кожицей персика схожа

В чудесной своей наготе.

Их спины так чисты и гладки,

Что волны в сиянье лучистом

Свой блеск отражают украдкой

В поверхности их шелковистой.

Особо же ножки прекрасны,

Обутые в пышную пену;

Глядеть на них долго опасно,

Лишишься ума непременно!

Прыгнув в воду, девицы начали барахтаться, брызгаться и забавляться, поднимая волны.

«Вот нападу на них, — подумал Сунь У-кун, — окуну посох в воду, поболтаю им, произнесу заклинание: «Кипяток, кипяток! Свари поганых мышей. Пусть весь выводок сразу подохнет!» — и от девиц ничего не останется. Но жаль мне их! Очень жаль! Прикончить их я, конечно, могу, но этим запятнаю свое доброе имя старого Сунь У-куна. Ведь есть же пословица: «Мужик с бабой в драку не лезет». Не к лицу мне, прославленному храбрецу, убивать этих девчонок. Нет, не буду убивать их, но надо сделать так, чтобы они впредь не совершали больше злых дел и не могли двинуться с места. Так все же будет лучше!».

Ай да Сунь У-кун! Он щелкнул пальцами, прочел заклинание, встряхнулся и превратился в старого голодного коршуна, Вот как он выглядел:

Седыми перьями, как инеем, покрыт,

Взгляд зоркий, что звезда полнощная горит,

Коварных зайцев в страх его вгоняет вид,

Лис-оборотень от него в смятении бежит.

Врагов он не страшится никаких,

Несет с собою смерть удар когтей стальных,

Он в поисках еды надеется на них,

За жертвою следя в просторах голубых.

Пронзая облака, он камнем вниз летит,

Добычу жалкую терзает и когтит

И, голод утолив, за новою спешит.

Одним взмахом могучих крыльев он подлетел к павильонам, распустил свои острые когти, быстро сорвал с вешалок все семь одежд и был таков. Перелетев через вершину хребта, он принял свой первоначальный вид, а затем направился к Чжу Ба-цзе и Ша-сэну.

Чжу Ба-цзе со смехом вышел ему навстречу:

— Не иначе, как он заложил нашего наставника в ломбард, — с ужимками сказал он, подходя к Сунь У-куну.

— Откуда ты взял это? — спросил его Ша-сэн.

— Ну как же? Ты разве не видишь, сколько тряпья притащил сюда наш старший братец?

Сунь У-кун положил одежды и стал объяснять:

— Это платья оборотней.

— Почему же так много? — нетерпеливо спросил Чжу Ба-цзе.

— Всего семь, — спокойно ответил Сунь У-кун.

— Как же тебе удалось так ловко сорвать с них одежды?

— Зачем же срывать? — отвечал Сунь У-кун. — Послушайте, что я вам расскажу. Здешняя гора называется Паутиновой, а скит носит название Паутиновая пещера. В этой пещере живут семь девиц-оборотней, которые схватили нашего наставника, подвесили к потолку, а сами отправились купаться к источнику Омовения от грязи. Этот источник образовался по воле Неба и Земли, и вода в нем постоянно горячая. Оборотни решили искупаться, а потом сварить нашего наставника на пару и съесть. Я последовал за ними, видел, как они раздевались и вошли в воду, хотел избить их, но побоялся замарать посох и запятнать свое доброе имя. Поэтому я превратился в старого голодного коршуна и сцапал всю их одежду. Сейчас они сидят в воде, так как им стыдно показаться голыми. Надо не теряя времени отправиться к наставнику, освободить его и пуститься в дальнейший путь.

— Братец! — засмеялся Чжу Ба-цзе. — Я вижу ты не доводишь дело до конца и оставляешь корешки, от которых потом произрастут беды. Раз ты обнаружил оборотней, почему сразу не прикончил их, а вместо этого почему-то предлагаешь освободить наставника! Если оборотни сейчас стесняются показаться из-за девичьей скромности, то уж вечером наверняка выйдут. У них найдется старая одежонка, они в нее облачатся и затем погонятся за нами. Даже если им и не удастся догнать нас, то, когда мы будем возвращаться по этой же дороге обратно, со священными книгами, они отомстят нам. Ведь не зря говорится в пословице: «Лучше не искать в дороге выгоды, а стараться избежать возможных напастей». На обратном пути они зададут нам жару, как настоящие враги.

— А ты что предлагаешь? — спросил Сунь У-кун.

— По-моему, надо сперва убить этих оборотней,— ответил Чжу Ба-цзе, — а уж потом идти освобождать наставника. Это называется: «Вырвать сорную траву с корнем».

— Я убивать их не буду! — решительно произнес Сунь У-кун. — Хочешь — убивай сам!

Чжу Ба-цзе приосанился, радостный и довольный поднял свои грабли и побежал прямо к источнику.

Когда он открыл ворота купальни, то увидел семерых девиц, которые скорчившись сидели в воде, извергая потоки брани на коршуна, похитившего их одежды.

— Ах ты, тварь мохнатая, — ругались они. — Чтоб тебе кот голову откусил! Зачем унес все наши одежды? Как нам теперь выйти из воды?

Чжу Ба-цзе не мог удержаться от смеха.

— О милостивые девы! — воскликнул он, обращаясь к ним. — Оказывается, вы здесь купаетесь! Очень приятно! Не возьмете ли и меня, монаха, в свою компанию? Что вы на это скажете?

Девицы увидели Чжу Ба-цзе и страшно обозлились:

— Ну и монах! Какой нахал! — закричали они. — Мы ведь девушки-мирянки, а ты отрешившийся от мира мужчина. В древних книгах сказано: «С семи лет мальчики и девочки не должны сидеть вместе на одной циновке!» — а ты вздумал с нами в одном бассейне купаться? Ишь какой!

— Уж очень погода жаркая, — спокойно отвечал Чжу Ба- цзе,— ничего не поделаешь! Как-нибудь да поладим. Дайте и мне искупаться. Чего там толковать про какие-то книги да про циновку?

Не вступая в дальнейшие пререкания, Чжу Ба-цзе бросил грабли, снял с себя черное монашеское одеяние и бултыхнулся в воду. Девицы-оборотни разозлились и решили разом напасть на Чжу Ба-цзе и избить его. Они не знали, что Чжу Ба-цзе чувствует себя в воде как рыба. А он нырнул, встряхнулся и сразу же превратился в оборотня-сома. Девицы стали ловить его, но все их усилия оказались тщетными: он появлялся то слева, то справа, девицы метались из стороны в сторону, а он выскальзывал из рук и все норовил пролезть повыше, меж ног. Вода приходилась девицам выше груди; гоняясь за рыбой, они ловили ее то на поверхности, то на дне и так устали, что едва дышали и с ног валились.

Тогда Чжу Ба-цзе выскочил из воды, принял свой первоначальный облик, оделся и, взяв в руки грабли, закричал:

— Видите кто я? А вы приняли меня за оборотня сома.

Девицы посмотрели на него и затряслись от страха.

— Ты сперва явился к нам в образе монаха, — сказала одна из них, — затем в воде преобразился в сома, но мы никак не могли изловить тебя, а теперь снова принял другой облик! Скажи нам по правде, откуда ты явился сюда? Открой нам свое имя.

— Видать, вы, мерзкие твари, в самом деле не знаете меня! — произнес Чжу Ба-цзе. — Так знайте же, что я ученик моего наставника, Танского монаха, который идет из восточных земель на Запад за священными книгами. Я тот самый, которого величают полководцем звезды Тянь-пэн, по имени Чжу У-нэн, а по прозвищу Чжу Ба-цзе! Это вы вздумали подвесить моего

наставника у себя в пещере, а потом сварить его на пару и съесть! Разве можно варить на пару и есть моего наставника?! Ну, живей, протягивайте сюда ваши головы, сейчас я хвачу каждую из вас граблями так, чтобы от вас и корня не осталось!

От этих слов у девиц-оборотней душа в пятки ушла. Они опустились на колени прямо в воде и стали молить:

— Отец наш! Смилуйся! Мы были словно слепые, по ошибке задержали твоего наставника. Хотя мы его подвесили, но ничего дурного ему не сделали и не подвергали никаким пыткам. Яви же свою милость и сострадание. Пожалей и пощади нас! Мы отблагодарим тебя от всего сердца и дадим все, что потребуется на дорожные расходы твоему наставнику, который идет на Запад!

Но Чжу Ба-цзе замахал руками.

— Перестаньте болтать глупости! — резко оборвал он, — есть хорошая пословица:

Тот, кто однажды мед у продавца

Купил, не ведая, что тот его обманет,

Речам медовым всякого купца,

Пожалуй, больше доверять не станет!

Вот я вас сейчас как хвачу граблями! А уж потом пойду своей дорогой!

Дурень всегда был груб по натуре, а тут еще захотел показать свое уменье владеть граблями. У него не было никакого чувства жалости к этим прелестным созданиям. Он замахнулся и, не считаясь ни с чем, начал бить куда попало. Девицы-оборотни обезумели от страха и, забыв про стыд, спасая свою жизнь, бро- сились бежать, выскочив из воды и прикрываясь руками. Прибежав в беседку, они остановились и пустили в ход свое волшебство: у них из пупков с шумом повалили толстые шелковые шнуры, которые вскоре легли высоким покровом, сокрывшим небо, причем Чжу Ба-цзе оказался под этим покровом. Не видя ни неба, ни солнца, Чжу Ба-цзе стал делать попытки высвободиться, но не тут-то было. Тяжелый покров так сдавил его, что он не смог даже и шага ступить. По всей земле шнуры расстилались как тенета и обвивались вокруг ног. Он попробовал шагнуть в одну сторону, но споткнулся и упал, тогда он поднялся и шагнул в другую сторону, опять поскользнулся и чуть было, как говорится, не вспахал землю носом. Он резко повернулся в обратную сторону, но снова упал и разбил себе нос. Пытаясь на четвереньках встать на ноги, он еще несколько раз кувыркался и, наконец, так измучился, что у него все тело онемело, голова закружилась и в глазах потемнело. Он уже не мог пошевельнуться и, лежа на земле, приглушенно стонал. Девицы-оборотни ограничились тем, что опутали его шнурами, но не стали бить и даже не причинили никакого вреда. Они выскочили из беседки, оставив шелковые шнуры лежать плотным покровом, скрывающим небо и свет, и побежали к себе в пещеру.

На каменном мосту они остановились, прочли какое-то заклинание, и сразу же шелковые шнуры сами вобрались в них. Совершенно голые, они вбежали в пещеру и, прикрываясь, пробежали мимо Танского монаха с веселым и задорным смехом. В каменной клети пещеры они нашли старые одежды и надели их на себя, а затем направились к задним дверям и став на пороге, позвали:

— Дети! Дети! Где вы?

Следует сказать, что у каждой девицы-оборотня был сынишка, но не родной, а приемный, Этих сыновей звали так: Ми, Ма, Лу, Бань. Мын, Чжа и Цин. «Ми» — от слова «Мифын», что значит пчела, «Ма» — от слова «Мафын», что значит слепень, «Лу» — от слова «Луфын», что значит шмель, «Бань» — от слова «Бань-мао», что значит мохнатая гусеница, «Мын» — от слова «Нюмын», что значит кобылка, «Чжа» — от слова «Мочжа», что значит кузнечик, и «Цин» — от слова «Цинтин», что значит стрекоза. Дело в том, что эти девы оборотни как-то раз расставили свою паутину и поймали всех перечисленных насекомых. Они уже собирались съесть их, но, как говорится в древних книгах: «У птиц есть свой птичий язык, а у зверей — звериный». Пленники взмолились и просили о пощаде, причем выразили готовность почитать девиц оборотней как родных матерей. Весной очи собирали нектар со всех цветов и кормили своих названых матерей, а летом разыскивали для них целебные и питательные травы.

Услышав, что девицы-оборотни зовут их, все приемные сыновья сбежались.

— Матушки! что вам угодно? — в один голос спросили они.

— Вот что, детки! — сказали оборотни. — Сегодня утром мы по ошибке обидели одного монаха, прибывшего из Танского государства, и за это нам только что в купальне так досталось от его ученика, такого мы стыда натерпелись и едва жизни не лишились. Постарайтесь же, детки, поспешить за ворота и отогнать его подальше. Если вам удастся, отправляйтесь к своему дяде, там мы встретимся и отблагодарим вас.

Мы здесь не будем рассказывать о том, как девицы-оборотни, после того как им удалось спастись, направились к своему брату-наставнику и подговорили его совершить недоброе дело.

Посмотрим, как стали действовать маленькие букашки. Все они, получив повеление, сразу же приняли воинственный вид и, потирая ладони, сжимая кулаки, отправились на поиски врага. Между тем Чжу Ба-цзе так измучился от множества падений, что лежал пластом, почти без сознания, и голова у него шла кругом. Но вот он неожиданно поднял голову и увидел, что шелковые шнуры, тяжелым покровом лежавшие на нем, уже исчезли. Он стал ногами пробовать землю, потом поднялся на четвереньки, а затем, превозмогая боль, поплелся к своим.

Подойдя к Сунь У-куну, он взял его за руку и спросил:

— Брат! Погляди на меня хорошенько и скажи, нет ли шишек у меня на голове и синяков на моем лице?

— Что с тобой стряслось? — живо спросил Сунь У-кун.

— Меня опутали своими тяжелыми шнурами эти негодницы-оборотни,— плачущим голосом отвечал Чжу Ба-цзе, — под ногами у меня было бесчисленное количество веревок, о которые я спотыкался, и я не знаю, сколько раз из-за этого падал на землю. До того больно падал, что у меня и сейчас спина словно переломлена и почки отбиты. Мне больно переступить даже на один вершок! Неожиданно покров тяжелых шнуров исчез, и я, оставшись в живых, насилу добрался сюда.

Тут подошел Ша-сэн.

— Ладно, ладно! Нечего разглагольствовать,— перебил он Чжу Ба-цзе,— ты сам беду навлек. Теперь эти оборотни обязательно выместят все зло на нашем наставнике и погубят его. Надо поспешить ему на помощь!

Сунь У-кун быстрыми шагами пошел вперед. Чжу Ба-цзе, ведя коня, тоже поспешил к скиту. Однако перед мостом их встретили семь маленьких оборотней — приемных сыновей, которые преградили им дорогу.

— Стойте! Не спешите! — закричали бесенята. — Мы здесь!

Сунь У-кун насмешливо посмотрел на них и сказал:

— Вот смех! Что за карлики собрались! Самый большой не более двух с половиной чи, в общем меньше трех, а самый тяжелый, весит пожалуй, всего восемь или девять цзиней, во всяком случае менее десяти!

— Кто вы такие? — гаркнул на бесенят Сунь У-кун.

— Мы — сыновья семи праведных отшельниц, — отвечали бесенята. — Мало того, что вы оскорбили и опозорили наших матерей, так еще притворяетесь, будто ничего не знаете, и лезете к нашим воротам. Стойте, ни с места! Берегитесь!

С этими словами бесенята ринулись в бой.

Чжу Ба-цзе и так был зол из-за того, что с ним произошло, а тут, увидев, что бесенята малые и не опасны, обозлился еще больше и, вымещая злость, начал молотить своими граблями.

Бесенята заметили, что Дурень разозлился не на шутку, и каждый из них принял свой первоначальный облик. С возгласами «изменись!» они взлетели в воздух и через мгновение стали размножаться: из одного получилось десять, из десяти — сто, из ста — тысяча, а из тысячи — десятки тысяч. Вот уж, право:

Все небо кузнечиков стаи,

Что облако, покрывают,

Как ливень в осенние грозы,

Стеною сплошною стрекозы

На землю проворно слетают.

Пчелы пощады не знают,

В лицо тебе жало вонзают.

Жужжа с затаенной угрозой,

В твой рот, словно в чашечку розы,

Шмель нетерпеливо вползает.

Рождая невольные слезы,

Глаза мошкара залепляет,

И гусеницы кусают,

Мест нежных не разбирая

Напасть навалилась такая,

Что нет ни конца ей, ни края!

Лицо от укусов распухло,

От ужаса замирая,

Трепещут и черти и духи!

Чжу Ба-цзе пришел в полное смятение.

— Братья! — вскричал он, — мы думали, что путь на Запад за священными книгами легко пройти! А на деле получается, что даже букашки не дают прохода!

— Не бойся! — успокоил его Сунь У-кун. — Иди вперед и бей, что есть силы!

— А как еще бить? — спросил Чжу Ба-цзе. — Я и так все лицо заляпал себе битой мошкарой да на себе раздавил уж не знаю сколько этой нечисти...

— Пустяки! Пустяки, — подбадривал его Сунь У-кун, — у меня найдется средство от них!

— Какое же средство? — живо спросил Ша-сэн. — Давай, брат, скорей, не то у меня на бритой голове скоро волдыри вскочат!

Ну как не похвалить Великого Мудреца Сунь У-куна! Он выдернул у себя пучок волос, разжевал его, потом выплюнул и стал выкрикивать:

— Хуан, Ма, Сун, Бай, Дяо, Юй и Яо!

Чжу Ба-цзе ничего не понял и спросил:

— Брат! На каком это языке ты говоришь? Что значит Хуан, Ма и все прочее?

— Да где тебе знать! — несмешливо отвечал Сунь У-кун. — Вот слушай: «Хуан» — это «Хуан-ин» — желтый орел; «Ма» — это «Ма-ин» — орел конопляник; «Сун» — это «Сун-ин»— копчик; «Бай» — это «Бай-ин» — белый орел; «Дяо» — это «Дяо-ин» — обычный орел; «Юй» — это «Юй-ин» — орел рыболов и «Яо» — это «Яо-ин» — хищный коршун. Приемные сыновья этих девиц-оборотней происходят от семи видов насекомых, а мои волоски превратились в семь разных орлов и коршунов.

Хищные птицы из породы орлов очень любят глотать разных мошек и букашек, причем делают это весьма умело: как только раскроют клюв, так сразу же проглотят любую мошкару, а уж если начнут крыльями бить и хватать когтями, то бедным букашкам никакого спасения нет.

И действительно, в один миг хищные птицы набросились на насекомых и вскоре в небе от них не осталось и следа, а земля покрылась толстым слоем убитых букашек.

Только теперь монахи смогли беспрепятственно перейти через мост и проникли в пещеру. Они сразу же увидели своего наставника, который висел на веревках, подвешенный к потолку, и горько плакал. Чжу Ба-цзе подошел поближе к наставнику и стал жаловаться.

— Ты, наставник, висишь здееь по собственной вине, а знаешь, каково мне пришлось? Сколько раз я падал и разбивался. И все из-за тебя!

— Живей отвязывай наставника, — прервал его Ша-сэн, — после будешь рассказывать.

Сунь У-кун быстро перервал веревки и освободил Танского монаха.

— Куда же девались оборотни? — спросил он Сюань-цзана.

— Я видел, как все семеро, совершенно голые, пробежали в заднее помещение и стали звать своих детей.

— Братья! Идите за мной на поиски! — вскричал Сунь У-кун.

Все трое с оружием в руках направились на задний двор и обыскали его вдоль и поперек, но не обнаружили никаких следов. Затем они направились в рощу плодовых деревьев, где росли персики и сливы, но и там никого не оказалось.

— Убежали! Убежали! — досадовал Чжу Ба-цзе. — Ладно! Нечего их искать! — сказал Ша-сэн. — Я пойду к нашему учителю и помогу ему размяться.

Монахи вернулись к своему наставнику и предложили ему сесть верхом на коня.

— Вы отправляйтесь в путь и поддерживайте наставника, а я здесь одним ударом разнесу все логово, — сказал Чжу Ба-цзе, — чтобы этим оборотням, когда они вернутся, некуда было деваться.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Разбивать — значит тратить свои силы. Гораздо проще подложить немного хвороста и поджечь, чтобы с корнем уничтожить все гнездо!

Дурень Чжу Ба-цзе набрал целую охапку сухих сосновых веток, поломанного бамбука, засохших ив и лиан, высек огонь, и все логово сгорело дотла.

Теперь только наставник и его ученики окончательно успокоились и отправились в путь! Если же вы хотите знать, что случилось в дальнейшем с семью девицами-оборотнями, прочитайте следующую главу.

http://tl.rulate.ru/book/14623/288245